

«Он мне дороже Шекспира!»

Per. Москва,
1000, -

Григорий Горин вчера ^{13 мар-}
отметил 60-летие ^{та,}
— с. 5

Он мудр, ироничен, спокоен и вообще чем-то напоминает Илью Муромца. «Объективная реальность, данная нам в ощущениях», его мало вдохновляет —

он предпочитает иметь дело с реальностью Шекспира, Древней Греции, Шарля де Костера или даже Ветхого Завета. О том, как работает с живым классиком, мы попросили рассказать двух самых «горинских» режиссеров — Татьяну Ахрамкову (театр им. Маяковского) и Марка Захарова («Ленком»).

Ольга ФУКС

Татьяна Ахрамкова: «Точнее было бы сказать, как мне с ним дружится, — так часто мы с ним общаемся. А что касается работы, то Григорий Израилевич приходил на репетиции только дня за три до премьеры. В 95-м году появился спектакль «Кин IV» (за которого Григорий Горин получил «Хрустальную Турандот», а Татьяна Ахрамкова «Золотого Остапа» — О.Ф.), в 98-м — «Чума на оба ваши дома»; и до сих пор они идут с аншлагами в зале на 1200 мест. К успеху шлягерного «Кина» я отношусь спокойно. Там изначально для меня все было органично. «Чума» давалась труднее. Потому что в конечном счете это все равно проекция на «Ромео и Джульетту». И ответ за этот спектакль надо держать перед вечностью и перед Шекспиром, «если был мальчик». Горин в театре играет в

очень опасные игры с точки зрения того, как это будет воспринято, за что я его и люблю. Он настоящий театральный мистификатор, в лучшем смысле барон Мюнхгаузен. «Чума» сложнее еще и потому, что это литература, великолепная литературная шалость. Я каждый раз не перестаю удивляться горинским непредсказуемым ходам. Поскольку он врач (что в лучших традициях русской литературы) и, как рассказывали мне очевидцы, врач очень профессиональный, у него нет иллюзий по поводу того, как устроен человек. И это дает ему право свободно фантазировать на тему человеческой природы».

Марк Захаров: «Горин — явление историческое. Он продолжатель великого дела, начатого Вильямом Шекспиром, который брал мифы или полуизвестные сюжеты и делал из них шедевры. После Шекспира был Ануи, да и Евгений Шварц шел тем же путем. Я думал, что эта линия прервалась, но появился Горин с его философской, глубокой, элегантной и притчеобразной драматургией. И он мне дороже Шекспира с Ануем. У него есть режиссерское мышление, и он всегда просчитывает жанрово и эстетически, как будет формироваться его пьеса на сценических подмостках. Он хорошо импровизирует и не боится расстаться с какими-то кусками. Конечно, я отношусь к нему субъективно — с восторгом, хотя идеализировать его тоже не хочу. Характер у него довольно занудливый, иногда мне приходится выслушивать минут по пятнадцать его ворчания. Горин не всегда понятен и удобен. Но именно он подарил мне замечательное понятие, которое я всегда использую в режиссерской практике, — называется «проблема второго акта». Пьеса не должна быть просто экспозицией, поделенной на два акта. Во втором акте должны произойти какие-то принципиальные изменения. Потому что наша жизнь так стремительно меняется, каждый день несет столько новой энергии, новой информации, что этот ритм должен отражаться и в пьесе. И потому когда я вижу, что во втором акте не хватает этих кардинальных изменений, я начинаю бурно выражать свое негодование. Если тихо буду выражать — он может не заметить».

P.S. «Вечерняя Москва» от души поздравляет Григория Горина с юбилеем. Он обещал нам рассказать, как пережил это замечательное событие. Ловим вас на слове, Григорий Израилевич.

Екатерина ЦВЕТКОВА